

Чай Цзыжань сказал:

— Та самая красавица, что с братцем Жун Лином к вам прибилась. Сестра моя — девушка несчастливой судьбы. Родня замуж выдать хотела, не удалось — вот она со своим слугой-мальчишкой и сбежала. — Прикрыл ладонью лоб, вспоминая:

— Слугу того, кстати, вы, наверное, знаете. Юань Ханом звать, парень видный, статный, лицом пригож.

А Цун с недоумением посмотрел на Жун Лина:

— Разве братец Жун Лин и девица Яньжань не муж с женою?

В груди Чай Цзыжаня тут же вспыхнул безымянный огонь. Сестра его — небожительница, а Жун Лин — что навоз под ногами. Ни обличьем, ни родом в зятя не годится. Он прохрипел, голос глухой от ярости:

— Жун Лин! Ты посмел мою сестру обманывать? У тебя и жён семь, и наложниц девять! Не смей на неё глаз пялить!

— Я... — Жун Лин хотел возразить, что ни жён, ни наложниц у него нет, но, встретив свирепый взгляд Чай Цзыжаня и подумав о добром имени Чай Яньжань, пробормотал:

— Пусть у меня и жён-наложниц несчётно, ныне сердце моё принадлежит лишь Яньжань. Знаю, братец Чай Цзыжань, я уродом слыву и ей не пара... Если и она меня гнушается... — Голос его поник. — Уйду.

А Цун дёрнул Чай Цзыжаня за рукав:

— Брат Чай Цзыжань, невестка Яньжань с братцем Жун Лином душа в душу живут. Не будь ты той дубиной, что лебедей разлучает.

— Невестка? Душа в душу? — Чай Цзыжань, терзаемый горем, уставился на Жун Лина, этого оборотня в личине праведника, и рявкнул:

— Что ты с сестрой моей сделал?!

Жун Лин виновато отступил, заливаясь краской:

— Ни-ничего.

В сердце Чай Цзыжаня кольнуло: его нежный цветок осквернило это... отродье.

— А Лин. — Чай Яньжань в простой синей холщовой рубаше казалась ещё белее снега. Большие глаза её, стыдливые и пленительные, сияли. Она улыбнулась Жун Лину, а потом взглянула на Чай Цзыжаня и радостно воскликнула:

— А Жань, ты пришёл! Я знала, что придёшь.

Чай Цзыжань заныло внутри: раньше, куда бы он ни являлся, сестра лишь на него одного и смотрела, а ныне Жун Лин оказался на первом месте.

— Сестра, ты... — Неужели он и впрямь своего добился?

Чай Яньжань, смеясь, взяла брата за руку:

— Пойдём, пойдём, дома поболтаем. — И потянула за рукав Жун Лина:

— Пойдём вместе.

Жун Лин ответил:

— Хорошо.

Чай Цзыжань всё ещё не мог смириться:

— Что хорошего-то? Ничего не хорошо! — Всхлипнул:

— Сестра, что ты в нём нашла? Ни характера, ни лица, ни рода — ничего нет!

А Цун неодобрительно покачал головой:

— Брат Чай Цзыжань, не говори так. Братец Жун Лин — наш товарищ по лагерю, все мы здесь братья. Да и грамотей он, учёный, книги наизусть шпарит! — А Цун смотрел на Жун Лина с таким обожанием, будто умение цитировать классиков было верхом человеческих доблестей, так что Чай Цзыжань едва удержался, чтобы не треснуть его чем-нибудь тяжёлым.

Чай Яньжань потянула брата:

— Младший брат, давай уже домой.

Чай Цзыжань, всё ещё хмурый, буркнул:

— Ладно.

Маленькая Редька, повисший на ноге Жун Лина, вдруг бросился к Чай Цзыжаню и впился ему в ногу зубами. Чай Цзыжань, и без того взвинченный, едва не лягнул сорванца. Чай Яньжань успела подхватить малыша прежде, чем брат взорвался, и мягко пожурила:

— Редечка, не балуй, а то никто любить не будет.

Маленькая Редька с полным правом заявил:

— Он братца Лина обижает! Я его не люблю!

— Чёртов сопляк! — скрипел зубами Чай Цзыжань.

Временное пристанище Чай Яньжань представляло собой лёгкий навес. Снаружи на бамбуковых шестах сушились ряды одежды. Чай Цзыжань мельком глянул и с облегчением выдохнул: слава богу, мужское и женское бельё висело отдельно. Но беспокойство не отпускало. Он отвёл сестру в сторону:

— Сестра, скажи честно... он тебя... не трогал?

— А Жань! — Чай Яньжань сделала вид, что обиделась. — Господин Жун Лин на такое не способен!

— Не способен? Сестра, да ты обманута! Съезди в столицу, порасспрашивай про род Жунов —

про каждого гадостей наслушаешься! А доброго слова и от ста человек один не сыщешь.

— Люди судят господина Жун Лина по внешности, полагая, будто и душа у него такая же. А он добрый. Не будь он таким, разве говорила бы я с тобой сейчас, цела и невредима?

Неделю назад Чай Яньжань узнала, что Мо Цзюцзюнь испросил назначения управителем в уезд Суюй — как раз туда, где находился её брат. Опасаясь за его невинность, она стала упрашивать Юань Хана сопроводить её. Но едва они собрались, как Чай Цзыхао их обнаружил и, не говоря ни слова, приказал запереть Чай Яньжань в её покоях, не выпуская за порог. Юань Хан, тащивший её узелки, с превеликой радостью препроводил барышню обратно.

Чай Яньжань, хрупкая девица из внутренних покоев, чьи наибольшие утехи составляли любование цветами, ловля бабочек да вышивание, не вызвала у Чай Цзыхао особой бдительности. И вот в тот самый вечер, когда присмотр ослаб, она вылезла в окно.

Убегая, она не забыла прихватить и Юань Хана, сунув ему в руки большой узел и пригрозив. Под покровом предрассветной мглы они улизнули через чёрный ход.

Путь от столицы до «Переправы Восьми Бессмертных» был недолог, а вот дальше, к уезду Суюй, дорога становилась трудной. На заре они начали карабкаться по горным тропам. Юань Хан, при одном воспоминании о свирепом лике Мо Цзюцзюня, заныл:

— Барышня, тропа крута, да и ветер днём поднимется. Может, в другой раз?

Чай Яньжань бросила на него презрительный взгляд:

— Ночью было страшнее, а дневной ветер — ерунда. — И подтолкнула:

— Шагай быстрее.

Юань Хан, готовый расплакаться, покорно поплёлся вперёд. На первой же горе, едва они поднялись до половины, на узкой, поднимающейся вверх тропинке обнаружили пятна запёкшейся крови. Юань Хан в ужасе обернулся, плечи его затряслись:

— Барышня... мёртвый!..

Чай Яньжань тоже перепугалась, но, желая защитить брата, готова была пройти хоть сквозь стаю волков, не то что мимо мёртвого тела. Она шагнула вперёд, устремив взгляд вдаль и изо всех сил стараясь не замечать кровавые брызги на земле. Сердце её колотилось, будто пытаясь вырваться, каждый нерв был натянут струной.

К счастью, крови было лишь несколько капель, никакого тела поблизости не наблюдалось.

Чай Яньжань, слабая женщина, не обладала возвышенным духом самоотверженного спасения страждущих. Оставшись одна, беззащитная, она понимала: главное — поскорее добраться до уезда Суюй. Юань Хан же был трусливее её самой. Дрожа, поджав голову, он держался от неё на расстоянии одного шага и через каждые три шага начинал:

— Барышня, давайте вернёмся... Страшно же...

Чай Яньжань, берегущая и бдительность, и силы, не достаивала его ответом. Но когда Юань Хан принялся стоять в сотый раз, она вдруг вскрикнула:

— А-а-а-а!!!

Юань Хан, пошатнувшись, шлёпнулся на землю, затрясся, будто в лихорадке, и залепетал:

— Ба-барышня... ч-что такое?

Чай Яньжань, будто вкопанная, не могла сделать ни шагу, словно впереди были воды потопа или лютый зверь. Дрожащей рукой она указала на нечто, лежавшее на тропе:

— Э-э-то... ч-чёрный кот.

— Чёрный кот? — Услышав это, Юань Хан немного успокоился. Всего-то кот, не страшно. Он поднялся с земли, вытянул шею, заглянул через плечо Чай Яньжань, разглядел «кота» и сглотнул. Через мгновение его охватил ужас, и он завопил:

— А-а-а-а! Чёрный кот!

Кот и вправду был чёрным. Вот только с него содрали шкуру, вынули жилы, и всё тело его было залито кровью. Немигающие кошачьи глаза отсвечивали зловещим зелёным светом. Он лежал на неровной тропе и словно бы провожал взглядом каждого путника. Алая кровь пропитала рыхлую землю. В первых лучах восходящего солнца, среди диких гор, зрелище это было особенно жутким.

Крик Юань Хана вернул Чай Яньжань рассудок. Она сделала несколько глубоких вдохов, похлопала его по плечу и принялась утешать:

— Не бойся... не бойся... не бойся...

Слова эти, впрочем, больше успокаивали её саму, нежели слугу.

Чай Яньжань подняла взгляд к безоблачному небу и положила свою белоснежную руку на плечо Юань Хана:

— Смотри, как я: не гляди на него — и страшно не будет.

<http://bllate.org/book/15931/1423979>